

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА (К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА)

В. В. ТРОФИМОВ*

В статье проводится анализ научной традиции российской и зарубежной философии и социологии права, связанной с изучением коммуникативных (социально-интерактивных) оснований права. Рассматриваются этапы становления научного подхода, обосновывающего необходимость поиска истоков права в среде социального взаимодействия (социальной интеракции). Особое внимание уделяется представителям петербургской школы философии и социологии права как одним из ведущих основоположников традиции социально-интерактивного (коммуникативного) понимания права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, социальное взаимодействие, коммуникация, социально-интерактивная концепция права, научная традиция, философия права, социология права.

TROFIMOV V. V. SOCIAL AND INTERACTIVE CONCEPT OF LAW (TO THE PROBLEM OF SUBSTANTIATING THE TRADITION OF THE RUSSIAN AND FOREIGN PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY OF LAW)

The article analyses the scientific tradition of the Russian and foreign philosophy and sociology of law which is connected with studying communicative (social and interactive) grounds of law. The author examines the stages of formation of a scientific approach which substantiates the necessity to search for the origins of law in the social interaction environment (social interaction). Special attention is given to the representatives of the Petersburg school of philosophy and sociology of law as one of the leading founders of the tradition of social and interactive (communicative) understanding of law.

KEYWORDS: law, social interaction, communication, social and interactive concept of law, scientific tradition, philosophy of law, sociology of law.

Начальные десятилетия XXI столетия характеризуются активным поиском новых методов познания права, формированием новых понятий, идей и концепций, призванных дать дополнительный импульс развитию правовой теории и практики. Процесс этот закономерен и отражает общую тенденцию научной мысли — соответствовать потребностям изменившегося

---

* Трофимов Василий Владиславович — доктор юридических наук, доцент, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Trofimov Vasily Vladislavovich — doctor of legal sciences, associate professor, professor of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

E-mail: iptgutv@mail.ru

© Трофимов В. В., 2014

времени. Тем более это относится к современной России, осуществляющей движение по непростому пути преобразований и реформирования социально-экономической, социально-политической и правовой систем.

Происходящие перемены сказываются непосредственным образом на обновлении законодательства, практике применения правовых норм и методов воздействия на экономические и другие связанные с ними социальные отношения. В самих социальных основаниях современного российского права также явно наблюдаются существенные сдвиги, что увеличивает познавательное значение научных исследований общественных закономерностей правовых процессов, социальных аспектов формирования и развития права.

Вместе с тем отечественная политико-правовая мысль на сегодняшний день пока не в состоянии в полной мере однозначно оценить и теоретически определить новые социально-правовые явления и тенденции. Дело в том, что российская юридическая наука, всегда традиционно имевшая объектом своего познания социальную обусловленность права и вопросы эффективности юридической деятельности, как правило, оставляла без особого внимания глубинные процессы, происходящие на уровне социального взаимодействия (общения). Современный социально-юридический опыт, думается, все более наглядно выявляет необходимость коррекции существовавших подходов в правопознании, более осознанного интереса к предельно-социальным проблемам (основам) права.

Российская правовая жизнь свидетельствует, что наряду с активной творческой ролью государства в сфере правотворчества и реализации права происходит усиление правообразующей роли институтов гражданского общества, различных объединений, корпораций и отдельных личностей, особенно предпринимателей, которые в процессе взаимодействия инициируют правовые ситуации, а иногда и творят правовые нормы и юридическую практику. Именно людьми (образуемыми ими социальными группами) в процессе их постоянного правового общения, правовой коммуникации создается правовая культура, чем обуславливается ее гуманистический характер, так как она есть, прежде всего, «процесс и результат творчества человека в сфере права».¹

Поэтому очевидно, что процесс формирования элементов системы права, берущий свое начало на уровне систем социального взаимодействия, должен быть исследован как объективный источник происхождения и развития права. В качестве предмета теоретико-правового изучения и анализа должна предстать социальная интерактивная (от англ. *interaction* — взаимодействие) среда, в которой создаются необходимые в правовом пространстве организационные (нормирующие) предпосылки, формируются модели, стандарты социально-правового взаимодействия.

Можно отметить, что отечественная правовая наука и ранее не исключала социологический подход из арсенала познавательных методов. В то же время сегодня при условии наметившихся перспектив дальнейшей модернизации российского общества, политической и правовой систем, с учетом достаточно глубокой дифференциации общественного организма на различные макро- и микросоциальные группы (страты, слои, корпорации, общности), необходимо в области социолого-правовых исследований

---

¹ *Вопленко Н. Н.* Правовая культура современной России // Правовая культура в России на рубеже столетий. Мат.-лы Всерос. науч.-теорет. конф. / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2001. С. 12.

переходить от традиционного подхода к пониманию факторов социальной обусловленности права (в том числе формировавшегося на основе марксистской монистической социальной парадигмы — в форме исторического материализма) к обновленной социально-правовой теории, в которой при сохранении принципа социальной детерминации права на вооружение берется комплекс методологических построений, позволяющих под различным углом зрения рассматривать отдельные стороны социально-правовой жизни, достигая предельного соответствия между познаваемым объектом и его образом, отражаемым в сознании познающего субъекта.

В реальной правовой жизни общества проявилась ошибочность недооценки социально-интерактивных закономерностей, которые строятся на многообразии различных элементов, в комплексе обуславливающих те или иные значимые (в том числе и в правовом плане) последствия. В настоящее время мы просто вынуждены возвращаться к столь необдуманно утраченному на довольно длительный период теоретическому опыту, возрождать и развивать уже на современной «почве» накопленный (во многом благодаря российским ученым) западной наукой XX в. исследовательский потенциал.

К проведению подобного рода социологических исследований права направляет и изменяющаяся отечественная социально-философская парадигма, которая в любой отрасли гуманитарного знания выступает как мировоззренческая основа для осознания общественных явлений. Эти изменения выражаются в виде перехода в познании «социального» от монополярной конструкции исторического материализма, содержащей классово-ролевою доминанту в понимании общественных процессов, которая действительно многое объясняла,² к концепции, которая рассматривает общество как субъектно-структурированный объект, как социально-существенный контекст или системную сумму взаимодействий людей, представителей рода *Homo sapiens*.³

Анализ феномена социальной обусловленности права должен начинаться с рассмотрения взаимодействия или деятельности коммуникации человеческих индивидов как матрицы социальных процессов. Только в этом случае станет возможным понимание правовой динамики, связанной с особенностями специфически-социальных ситуаций, в которых непосредственно и протекает человеческая, а значит, социально-правовая жизнь. Такие правовые нормы, которые регулируют отношения субъектов в рамках правового процесса, договора, в корпорации и пр., могут быть проанализированы с большей объективностью и истинностью при помощи социально-интерактивной (коммуникативной) правовой теории. Как справедливо отмечает А. В. Поляков, «если мы будем понимать социальное как некую “социальную физику”, существующую по объективным законам,

² Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 16.

³ См., напр.: Гречко П. К. К вопросу о предмете социальной философии // ВМУ. Сер. 7. Философия. 1995. № 1. С. 9–17; Сагатовский В. Н. Социальная философия: поиски целостности // Социально-политический журнал. 1994. № 6. С. 55–70; Серов Ю. М., Портнов А. Н. Интерсубъективность как способ социокультурного бытия // Актуальные проблемы исследования сознания: онтология и гносеология. Иваново, 1997. С. 89–105; Ахизер А. С., Шуровский М. А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 58–79; и др.

никак не соотносимым с человеческой субъектностью (субъективностью), то мы не сможем понять и право как целостное, интегральное явление».⁴

Теоретическому описанию социально-интерактивных оснований правовой жизни, специфически-социальным истокам права, содержащимся в системах взаимодействия индивидов, следует уделять все более пристальное внимание в рамках правовой науки, способной оказать доктринальное влияние на процессы формирования и усовершенствования правовых начал функционирования современной политико-правовой системы, на повышение уровня взаимного доверия и взаимной ответственности государства и общества, определение новых дополнительных критериев правотворческой и правоприменительной деятельности.

Традиции отечественной правовой науки изучения проблем формирования и развития права с позиции деятельностно-коммуникативных (социально-интерактивных) аспектов человеческой жизни, несмотря на существенно возросший в последние годы интерес к данной проблематике, все же недостаточны. Подходы, выражающие принципы, связанные с социально-интерактивным (в ряде случаев можно говорить — микросоциальным) уровнем, долгое время отвергались прежде всего по причине несоответствия идейно-политическим, социально-философским, общим мировоззренческим установкам, господствовавшим в прошлом в отечественной науке и практике. Лишь относительно недавно стали появляться работы отечественных правоведов (В. А. Бачина, В. Г. Графского, Г. В. Мальцева, Л. С. Мамута, А. В. Полякова, И. Л. Честнова), посвященные сторонам правовой действительности, которые рассматриваются через призму социального взаимодействия (коммуникации, правового общения), в том числе социально-интерактивным аспектам образования справедливости и права. Однако системы теоретико-правовых знаний о социально-интерактивных закономерностях объективного права (иных сторон правовой жизни), думается, пока не создано.

Общий экскурс в историю правовой науки позволяет утверждать, что эволюция социально-интерактивного подхода в правопознании (подхода, обосновывающего истоки и бытие права в *социальном взаимодействии*) берет свое начало в эпоху правового кризиса конца XIX — начала XX в. Этот кризис был обусловлен неспособностью существовавших основных правовых форм (прежде всего закона) вместить в себя как на «дрожжах» развивающееся правовое содержание. Развитие экономики, социальной сферы порождало новые эталоны, образцы общезнания, новые способы и методы общения, новые стандарты и правила взаимоотношений между людьми и их организациями. Поэтому в развитых странах мира насущность выводов о необходимости глубокого проникновения в материю социальных отношений стала ощущаться все острее.

С течением времени оказалось, что одних догматических знаний о праве явно недостаточно для того, чтобы глубоко разобраться в социальном назначении, природе и эффективности права. Юридический позитивизм, будучи господствующей правовой парадигмой, в практическом плане также был малоэффективным. Он оказался не в состоянии наметить пути модификации правовой системы, приспособления ее к новым интересам и потребностям, вызванным социальным прогрессом, не в состоянии

---

⁴ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. СПб., 2009. С. 12.

устранить неэффективность норм, выявить обстоятельства, влияющие на результативность выполнения ряда юридических функций. Юридический позитивизм не смог объяснить причины кризиса права, не видя и не желая видеть социальной реальности, в которой живет и развивается право.

С потерей позитивизмом своего доминирующего положения складывается ряд новых учений, выступавших с требованием социологического подхода к праву. В отличие от позитивизма, выдвигавшего на первое место изучение позитивного содержания норм, социологический подход основывался на критическом обосновании юридических норм путем исследования весьма разнообразных социальных причин и факторов, обусловивших появление этих норм и неизменно влияющих на их практическое применение. Социологическая юриспруденция главной задачей стала видеть рассмотрение вопроса о влиянии на юридические институты ряда социальных явлений, включая такие, как стратификация, коллективное поведение, малые группы, интеракция (взаимодействие) индивидов. Это направление пыталось преодолеть отрыв юридического мышления от действительности, так как все более становилось очевидным, что «право, понимаемое в догматическом смысле, является лишь приложением, лишь надстройкой, которая рухнет, если под нее не подвести социологический фундамент».⁵

Роско Паунд, которого считают одной из самых значительных фигур в зарубежной социологии права XX в., выразил это уже в самом названии своей программной работы «Книжное право и право действующее» («Law in Book and Law in Action»)⁶ Для него право — это прежде всего специализированная форма социального контроля, который, согласно его учению (отраженному в фундаментальном труде автора «Юриспруденция» (1959 г.), вобравшему результаты его предыдущей научной деятельности), есть давление, оказываемое на каждого человека его партнерами, с тем «чтобы заставить его нести бремя в поддержании цивилизации и удержать от поведения, отличающегося от постулатов социального порядка».⁷

По верному наблюдению Д. И. Луковской, одним из первых юристов, высказавших мысль о том, что наука права должна находиться в неразрывной связи с социологией, явился русский юрист С. А. Муромцев, отразивший эту идею в работе «Что такое догма права» (1885 г.). Правовед утверждал, что задача «научно-объективной» теории права заключается не в систематизации и классификации, т. е. формально-догматической обработке действующего права, а в открытии социологических законов развития, преемственности и сосуществования (динамики и статике) права как определенной группы социальных явлений.⁸

Несколькими годами позже идея взаимодействия правоведения и социологии была сформулирована в статье французского юриста Л. Дюги «Очерк юридической социологии» (1894 г.), работы которого пронизывает мысль о несовпадении сфер объективного и позитивного права. «Чем больше я изучаю и углубляю проблему права, — пишет он, — тем более

⁵ Цит. по: *Кульчар К.* Социологизм в буржуазной теории права // Критика современной буржуазной теории права. Сб. статей / под ред. В. А. Туманова. М., 1969. С. 70.

⁶ *Туманов В. А.* Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Туманов В. А. Избранное. М., 2010. С. 238.

⁷ Цит. по: *Куликов А. К.* Категория интереса в социологической юриспруденции Роско Паунда // Правоведение. 1977. № 6. С. 90.

⁸ *Муромцев С. А.* Что такое догма права? М., 1885. С. 6. — О научной биографии правоведа см.: *Зорькин В. Д.* Муромцев. М., 1980.

убеждаюсь в том, что право не является созданием государства... что норма права предписывается государству так же, как индивидам».⁹

Для сближения правовой науки и социологических исследований важнейшую роль сыграл французский ученый Э. Дюркгейм. Он отмечал: «Именно социологии надлежит дать юристу, как и законодателю, научное познание ситуаций, подлежащих правовому регламентированию, поднять проблемы, которые надо решить, выявить побочные обстоятельства, вскрыть резервы для преодоления препятствий, на которые рискует натолкнуться решение таких проблем. Среди прочих факторов на первом месте стоит структура общества и условия существования людей».¹⁰ «Нет нужды доказывать социальный характер юридических институтов, — констатировал ученый. — Они изучаются юридической социологией».¹¹

С изучения норм естественно-социального (обычного) права начал формирование своей теории «свободного нахождения права» австрийский правовед Е. Эрлих, которого считают непосредственным основателем «социологии права». В 1913 г. Эрлих издал свою монографию «Основы социологии права». В предисловии к ней он писал: «Часто утверждают, будто книга должна быть такой, что ее смысл может резюмироваться в нескольких предложениях. Если настоящее сочинение мы должны были бы подвергнуть такой пробе, то смысл ее заключался бы в следующем: центр тяжести развития права в наше время, как и во все другие времена, находится не в законодательстве, не в юриспруденции или судопроизводстве, а в самом обществе».¹²

Е. Эрлих предлагает изучать именно общество, его внутренние законы, чтобы понять обстоятельства и факторы, влияющие на развитие права. По его мнению, «современная наука об обществе, социология, рассматривает право как функцию общества. Она не может ограничиваться собственно правовыми предложениями».¹³ Социология должна рассматривать право в целом, в контексте социальных отношений, и при этом помещать правовые предложения в социальный контекст. Очевидно, что для этой цели требуются обширнейшие знания об общей структуре общества, обо всех социальных институтах (а не только о тех, которые урегулированы законодателем)».¹⁴

Е. Эрлих при этом понимает общество не столько как совокупность индивидов, сколько как комплексное сплетение человеческих союзов. Поэтому «чтобы понять истоки, развитие и сущность права, — пишет он, — следует прежде всего изучить порядок, существующий в союзах».¹⁵ Каждый союз имеет свои специфические черты, и это должно отражаться на общем

---

⁹ Цит. по: Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972. С. 32; и др.

¹⁰ Цит. по: Боботов С. В. Буржуазная социология права. М., 1978. С. 14–15.

¹¹ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 16.

¹² Эрлих Е. Основы социологии права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. / отв. ред. О. А. Жидков. Т. 3. М., 1999. С. 623. — См. также: Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции. Киев, 1977. С. 51.

¹³ Е. Эрлих понимал под таковыми зафиксированные в вербальной форме правовые предписания, или предписания законодателя. — В. Т.

¹⁴ Эрлих О. Социология права / пер. с нем. М. В. Антонова // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. С. 602.

¹⁵ Цит. по: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. С. 207.

развитии права. Изученный правовой опыт различных общественных союзов (систем взаимодействия индивидов) позволил сделать Е. Эрлиху вывод о том, что «подлинным живым правом являются нормы, берущие свое начало во внутренней системе человеческих уз».¹⁶

Правосозидательные свойства взаимодействия индивидов рассматривались представителями так называемого социолого-институционалистского подхода, получившего распространение в Европе в XX в. (Г. Д. Гурвич, Н. Тимашев, А. Леви-Брюль, М. Ориу). Их понимание было основано на исследовании правил и нормативов поведения, вырабатываемых различными организациями, существующими в развитом обществе. Они делали вывод, что социальная сущность права отражает общественную солидарность, право представляет собой нормативные формы социальности, основанные на коллективном отборе ценностей и императивов поведения, на коллективных представлениях о должном, правомерном, допустимом, дозволенном.

Реальность права, по мнению Г. Д. Гурвича (продолжившего во многом традицию своего учителя Л. И. Петражицкого (петербургская правовая школа)), связана с понятием «юридический опыт» (непосредственный юридический опыт),¹⁷ который выражается в «коллективных актах признания» определенных ценностей. В результате этих «коллективных актов признания» определенные фактические ситуации приобретают характер «нормативных фактов», которые и являются основанием действительности правовых норм. Особенность «юридического опыта», с его точки зрения, такова, что возникающая в результате выражающих его «коллективных актов признания» регламентация носит императивно-атрибутивный характер. Заимствуя у Л. И. Петражицкого данные характеристики, Г. Д. Гурвич в то же время связывал правовую реальность не с «правовым переживанием» отдельного лица, а именно с двусторонней императивно-атрибутивной связью взаимодействующих субъектов. В результате Гурвич пришел к следующему определению права, которое он на протяжении многих лет неоднократно воспроизводил в своих работах: «Право представляет собой попытку реализовать в данном социальном образовании идею справедливости (т. е. привести к начальному и варьирующемуся в существенных моментах сочетанию присущие данному социальному образованию противоречивые культурные ценности) путем многостороннего императивно-атрибутивного регулирования, основанного на прочной связи между правом требования и обязанностью; обязательность этого регулирования обусловлена нормативными фактами, которые дают социальную гарантию эффективности, а в некоторых случаях обеспечивают выполнение требований путем внешнего принуждения, что, однако, не предполагается как обязательное».¹⁸

На основе этого «глобального» и «плюралистического» понимания права Г. Д. Гурвич намечает среди целого круга проблем, которые должна раскрыть социология права как особая дисциплина, призванная изучить «всю социальную реальность права», проблемы *микросоциологии права*,

¹⁶ Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München; Leipzig, 1913. S. 29.

¹⁷ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 213–470.

¹⁸ Гурвич Г. Д. Социология права // Там же. С. 608.

под которой понимал изучение различных видов «социальности» (*способов взаимосвязей с Целым*) в их юридическом выражении.¹⁹

Решая проблему поиска права в системах социального взаимодействия (социально-интерактивных системах), ученый отмечал, что «любая группа, в которой доминирует активная социальность и которая реализует позитивную ценность... утверждает себя в качестве нормативного факта, порождающего собственное правовое регулирование».²⁰

По сути, рассматриваемая научная теория объявляла «правовыми» каждую ячейку, каждый институт общества, способные создавать «нормативные факты», которые выражают позитивные ценности и в которых преобладает активный элемент — преследуемая цель.²¹

Г. Д. Гурвича поддерживал Н. Тимашев, полагавший, что в каждой длительно существующей группе наличествует порядок, который может быть выражен в нормах и который через посредство сложных механизмов становится обязательным для членов группы. (Эти идеи изложены в его книге «Введение в социологию права» («Introduction to the Sociology of Law»), вышедшей в свет в 1939 г.)²²

Французский социолог права А. Леви-Брюль также делал вывод, что «право — это совокупность обязательных норм, которые определяют общественные отношения таким образом, каким коллективная воля групп их представляет себе в данный момент».²³ Согласно взглядам институционалиста М. Ориу, в обществе существует множество частных правовых состояний, юридическое значение которых приобретает в процессе взаимоотношений индивидов, где освящаются и своего рода узакониваются «пучки взаимных ориентаций», порожденные в результате данного взаимоотношения; путем присоединения и согласия с ними субъектов взаимодействия устанавливается режим упорядоченной активности.²⁴ Данные идеи нашли свое развитие и у таких французских правоведов, как Ж. Крюэ, Э. Ламбер, М. Леруа, Г. Морэн, Ф. Жени, Р. Салейль и др.²⁵

С аналогичных позиций объясняли генезис права западногерманские ученые XX столетия Х. Плесснер, А. Гелен, П. Бергер, Т. Лукман. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, социальные действия индивида превращаются в твердые социальные институты — право, правовые отношения — вследствие взаимной типизации социальных действий индивидов.²⁶ По А. Гелену, данная взаимность, т. е. склонность человека действовать с учетом интересов другого, играет в процессе образования социально-

¹⁹ Там же. С. 565–802.

²⁰ Там же. С. 733.

²¹ Там же. С. 705. — О научной биографии и, в частности, социолого-правовых взглядах Г. Д. Гурвича см. подробнее: Антонов М. В. Социология права Георгия Давидовича Гурвича // Правоведение. 2003. № 2. С. 218–234.

²² Данные идеи Н. Тимашев частично воспринял у своего наставника — русско-польского ученого Л. И. Петражицкого (см. об этом: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 485–490).

²³ Леви-Брюль А. Социология права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. / отв. ред. О. А. Жидков. С. 652.

²⁴ Воротилин Е. А. Онтология права в теории институционализма // Правоведение. 1990. № 5. С. 43.

²⁵ См. об этом подробнее: Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. С. 48–87.

²⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 93.

политических институтов выдающуюся роль. Взаимность есть не что иное, как «социальная и моральная жизнь».²⁷

В середине XX в. получила развитие реалистическая доктрина, представителем которой являлся К. Ллевеллин. Еще в 1940 г. он выступил с идеей о том, что в социальных группах существует тенденция к нормативным обобщениям и что типичные способы поведения, создаваемые в групповом общении, служат основой развития нормативного порядка — категории, неизмеримо более емкой, чем правопорядок. Следовательно, само поведение людей обладает правосозидательными свойствами, благодаря чему создается весьма обширный нормативный комплекс, который предопределяет эффективность собственно правовых норм. «Действующее право и способы правового урегулирования... — подчеркивал К. Ллевеллин, — вытекают из сущности определенной группы. Они совсем не предполагают необходимости существования какого-либо суда... Они являются составной частью группового взаимодействия».²⁸ Его идея получила развитие в теории немецкого социолога права Т. Гейгера, а затем в трудах группы скандинавских ученых Упсальской школы — А. Хегерстрома, В. Лундстедта, К. Оливекроны и Т. Сегерстедта, разрабатывающих механизм действия нормативного комплекса. Как утверждал К. Оливекрона, опровергая мнение о праве, стоящем над жизненными фактами (не принадлежащем к миру времени и пространства), «любая норма права — это творение человека... они (нормы права. — В. Т.) имеют своим источником естественные причины».²⁹

Усилия по изучению «специфически-социального», т. е. реально существующего, проявляющегося в отношениях людей, были очень сильно распространены на европейском и американском континентах. Они осуществлялись крупнейшими учеными в области социологии, философии, теории права: Максом Вебером, Питиримом Сорокиным³⁰ (также воспринявшим идеи Л. Петражицкого), Талкоттом Парсонсом (считающим себя учеником П. Сорокина³¹). Результатом стало создание крупнейшей теоретической системы, раскрывающей общественные закономерности, — «теории социального действия». Одним из главных выводов данной концепции явилось установление, что сущность «социального» составляет феномен взаимодействия между людьми, а сама атмосфера внутригруппового взаимодействия оказывает на поведение индивидов значительно большее влияние, чем официально зафиксированные образцы поведения.

«Если мы охватим умственным взором весь человеческий мир, — писал П. Сорокин, — то он покажется нам похожим на огромное человеческое море. Это море состоит из отдельных волн. Такими отдельными волнами являются отдельные процессы взаимодействия и образуемые ими

²⁷ Цит. по: Куркин Б. А. Проблемы генезиса и сущности права в современной буржуазной философской антропологии ФРГ // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 97–99.

²⁸ Цит. по: Боботов С. В. Буржуазная социология права. С. 24.

²⁹ Оливекрона К. Право как факт // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. С. 672.

³⁰ О правопонимании П. А. Сорокина см.: Графский В. Г. Общая теория права П. А. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2000. № 1. С. 111–120.

³¹ См. также: Джонстон Б. Сорокин и Парсонс в Гарварде: институтский конфликт и происхождение ведущей традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 2. С. 106–117; № 3. С. 117–127.

социальные группы».³² «Весь обширный океан мировой истории человечества, — писал далее ученый, — составляется из отдельных ручьев и речек, каковыми являются отдельные длительные и мгновенные процессы взаимодействия. Одни из них, а именно организованные потоки взаимодействия, имеют определенные очертания берегов, определенное русло, другие — неорганизованные процессы или группы, подобны бесформенной болотной воде, не имеющей определенного русла, ясных береговых очертаний и точно выраженного течения. Как море составляется из отдельных ручьев, рек и потоков, так и океан общественной жизни человечества составляется из таких процессов взаимодействия».³³

На основании этого и в развитие данных социолого-правовых идей Т. Парсонс в соратничестве со своими американскими коллегами Г. Беккером, Э. Шилзом, Э. Толмэном, Р. Сирсом, К. Клакхоном, К. Шелдоном, С. Страуффером, Г. Мюррээем и др. пришел к утверждению, что система правовых ценностей не является объективированной или предустановленной; она есть результат взаимодействий: индивидуальный акт поведения только тогда совпадает с нормой, когда он соответствует ожиданиям других в отношении действующего лица. Социальная роль действующего лица «определена нормативным ожиданием членов группы». Именно это взаимодействие ожиданий лиц имеет предопределяющее значение для ориентации человека в предусмотренной нормой ситуации.³⁴

«Любая система интерактивных отношений, — по мысли Т. Парсонса, — объединяющих множество индивидуальных акторов, есть социальная система. Общество — это социальная система, которая содержит в себе все необходимые предпосылки для существования в качестве самодостаточной системы».³⁵ Это в первую очередь должно означать, что такая система заключает в самой себе предпосылки для воспроизводства жизненно важных сфер, в том числе для репродукции актуального (необходимого обществу в настоящий момент) права.

Эти идеи развивались видными учеными начиная с М. Вебера и П. Сорокина и продолжая последователями Г. Хоманса и Т. Парсонса, среди которых особо следует отметить Н. Лумана. Обществовед, придерживаясь научной традиции от Дюркгейма к Парсонсу, подчеркивает, что правовая система «состоит из всех социальных коммуникаций, формулируемых со ссылками на законы и нормы».³⁶

В связи с этим Н. Луман развивает функционалистскую идею ценностно-нормативной интеграции, одним из выводов которой является

---

³² Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 26.

³³ Там же. С. 27.

³⁴ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. — В. В. Посконин считает: «Философско-методологический и социологический анализ права, предпринятый Т. Парсонсом, является по существу анализом его предельных, содержательно-проблемных граней, которые выступают более отчетливо тогда, когда понятие “право” органично вписывается в систему непосредственно соотнесенных с ним категорий. В результате изучения логического начала в познании права, “оснований” права, правовой системы требует сочетать теоретико-познавательный подход с этико-аксиологическим, на это и ориентирует “ценностно-нормативная” модель права Т. Парсонса» (Посконин В. В. Правопонимание Толкотта Парсонса. Ижевск, 1995. С. 136).

³⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 453.

³⁶ Цит. по: Феофанов К. А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 57.

то, что интеграция/консенсус, невозможные в рамках всего общества, возможны на локальном уровне, преимущественно в системах взаимодействия (автономных, комплексных, самореферентных группах), а затем могут распространяться на подсистемы межгруппового взаимодействия.³⁷

Как представляется, в связи с рассматриваемой проблемой находится концепция «солидарности» крупнейшего ученого-правоведа И. А. Покровского,³⁸ система его взглядов на проблему необходимости «органического соединения свободы каждого человека и солидарности между людьми. Причем такого соединения, которое реализуется “в государстве” через всю систему правовых институтов, в том числе частного права».³⁹

Микроуровневый социально-интерактивный подход к пониманию права достаточно ясно выражается, на наш взгляд, в книге Лоуренса Фридмэна «Введение в американское право» (М., 1993). Из тех положений и мыслей, которые изложены в книге, можно сделать вывод о наличии в американской правовой идеологии именно такой системе мировоззренческих установок, которая строится на обозначенном выше подходе к проблеме формирования и развития права.

Подобный подход был недостаточно характерен для марксистского мировоззрения, его онтологического и гносеологического построения, которое господствовало в Советском Союзе и в других социалистических странах. Поэтому в подавляющем числе научных работ по социологии, философии или теории права оспаривается факт признания за внутригрупповым межличностным взаимодействием аккумулирующей энергии, способной влиять на ход социальных процессов и содержание социальных феноменов, к которым, естественно, относится и право. Эта энергетическая сила признавалась только за классами — макросоциальными образованиями, воля которых единственно истинная, а залогом ее «успешного проявления» является владение, пользование и распоряжение средствами производства, т. е. экономическое господство.

После Октября 1917 г. свобода творческого самовыражения, научного поиска приобрела идеологические рамки. Если обратиться к трудам советских теоретиков права, теоретиков права социалистических стран, посвященных проблеме сущности права, то заметно примерно одинаково отрицательное отношение к немарксистским схемам, объясняющим устройство феномена права. К примеру, в монографии А. Нашиц «Правотворчество. Теория и законодательная техника» (М., 1974) в одной из глав приводится обстоятельный критический анализ теории западногерманского профессора В. Майхофера. Согласно этой теории правовую идею следует искать в материи, подвергаемой правовому регулированию, под которой он имеет в виду жизненные ситуации, связывающие людей между собой в рамках их субъективно-объективных и межсубъективных экзистенциальных отношений. Купля, аренда, кража, мошенничество приводятся им в качестве примеров подобных положительных или отрицательных жизненных ситуаций. На этом уровне, согласно Майхоферу, складывается так называемое «неформальное» право общества, образующееся из «непозитивных» прав и обязанностей участников микросоциальных отношений (продавца — покупателя, врача — пациента, учителя — ученика и т. п.).⁴⁰

³⁷ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

³⁸ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.

³⁹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 2001. С. 732.

⁴⁰ Майхофер В. Право и бытие // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. С. 186–258.

Главным объектом критики Нашиц было то, что структурный анализ Майхофера останавливается на микросоциальном (социально-интерактивном. — В. Т.) уровне, на котором, с точки зрения марксизма, не вызрела социальная сила, способная обеспечить признание прав и обязанностей на уровне «всеобщего». ⁴¹

В книге «Право и социология» (М., 1973) подчеркивался очень важный аспект: общесоциологическая теория — общий метод для всех других социальных наук. В качестве такого абсолюта, затмевающего собой все иные теории, объявлялся исторический материализм как общесоциологическая теория марксизма. В связи с этим делался вывод, что невозможность опереться на стройную теоретическую концепцию, каковой является вышеозначенная теория марксизма, обуславливает уязвимость взглядов, строящихся на иных принципах, заставляет социологов права — немарксистов увлекаться микропроблемами, лишает исследователя ясных перспектив. В подтверждение этой точки зрения в главе XI приводится критический анализ так называемых буржуазных концепций «социального партнерства», «человеческих отношений», «социального действия», выводами которого служат утверждения об утилитарном характере этих теорий, обвинения в излишней психологизации, конформизме как идейной направленности данных концепций. В качестве главного идеолога так называемого буржуазного конформизма объявлялся Т. Парсонс, оценка теоретических построений которого определялась однозначно — как «сугубо идеалистический подход к явлениям, отражающий свойственное буржуазным социологам мировоззрение». ⁴²

Отрицание социально-интерактивного правового аспекта, правовых характеристик и свойств взаимодействия людей имело своим началом критику немарксистских философских и социологических основ. ⁴³ В связи с этим и в области истории, теории, истории учений права советской науки максимум, что возможно найти, — это критический анализ идей о правообразующем характере интеракции индивидов, в связи с чем добыча крупиц знания о данном явлении из советских научных источников может быть лишь имплицитной, с учетом отсложения негатива, привнесшегося по отношению к западной теории вместе с господствовавшей в нашей стране идеологией. ⁴⁴ Это особенно четко стало проявляться с 1930-х гг.

В 1920-е гг. проблема взаимоотношений индивидов рассматривалась некоторым образом в рамках изучения понятия права. Несомненный интерес с этой точки зрения могут представлять исследования, которые проводили Е. Б. Пашуканис и П. И. Стучка. Но если П. И. Стучка продолжал искать классовый критерий права, ⁴⁵ то Е. Б. Пашуканис попытался проникнуть

---

⁴¹ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 29–30.

⁴² *Право и социология* / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М., 1973. С. 37–38, 342.

⁴³ См., напр.: *Баскин М. П.* Англо-американская социология на службе империализма. М.; Л., 1949; *Бахитов М. Ш.* Об одной «новой» социальной утопии (критические заметки о микросоциологии). М., 1958; *Новиков Н. В.* Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении». М., 1964; и др.

⁴⁴ См., напр.: *Зивс С. Л.* Идеиня ницета антикоммунизма. Против извращения идеологами вопросов социалистического государства и права. М., 1963; *Зыков П. Г.* Кризис буржуазной идеологии права. М., 1963; *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Критика современных буржуазных теорий права. Л., 1961; и др.

⁴⁵ *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

глубже, полагая, что не следует руководствоваться смутным представлением о праве как о форме вообще, право есть форма некоего «специфического социального отношения», и эта специфика как раз предопределяет то, что регулирование общественных отношений при известных условиях принимает правовой характер.⁴⁶ Ученый подчеркивал также: «Но для того, чтобы утверждать объективное существование права, нам недостаточно знать его нормативное содержание, но нужно знать, осуществляется ли это нормативное содержание в жизни, т. е. в социальных отношениях».⁴⁷

В российской юридической науке начала XX столетия социологическое содержание права раскрывалось в исследованиях Н. Н. Алексеева (московская школа права), а также в работах некоторых других ученых, в которых проявлялось влияние школы солидаристов, что видно на попытках развить дюгистскую концепцию социальных функций в объяснении сущности права. Это, в частности, было характерно для А. Г. Гойхбарга, И. Каплана, А. Л. Малицкого, А. Н. Одарченко, В. Н. Охоцимского и др.⁴⁸

Однако в 1930-е гг. изучение специфически-социального в праве, как, впрочем, и истинно социологическое направление в теории права было свернуто, в связи с чем к 70–80-м гг. в нашей стране сложилось явление, по поводу которого можно заметить, что само по себе наличие в общественной практике норм, объективно складывающихся в результате социальной саморегуляции, является уже общепринятым в социологии (но не в теории права).

Действительно, в большей степени именно социологам, этикам гуманитарная наука обязана пониманием, что осознанию и фиксации норм предшествует их генезис, обусловленный деятельностно-коммуникативными аспектами человеческого бытия. О. Г. Дробницкий, исследуя процесс становления норм, отмечает, что из стихийного взаимодействия индивидов могут рождаться нормативы, которые становятся образованием качественно иного порядка. Фактически складывающиеся взаимодействия людей образуют общепринятую форму поведения, которая становится «нормой», «правилом», «принудительным эталоном для индивида и массы людей».⁴⁹

На эту тему есть научные работы у М. И. Бобневой, В. Брожика, Е. М. Пенькова, Э. В. Соколова.⁵⁰ Однако в них отражается в большей мере социолого-этический взгляд на проблему образования социальных норм вообще. В данном же случае занимает вопрос о том, насколько интенсивно тема об интерактивном механизме правообразования и правофункционального разрабатывалась в правоведении и не как объект для критики, а как объект для прямого изучения с целью апробации результатов исследований в реалиях отечественной правовой системы.

В советской теории права работ о социально-интерактивных основах права немного. И среди них особое место занимает монография Г. В. Мальцева «Социальная справедливость и право», в которой автор одним из первых постарался обратить внимание на глубинный срез процесса

⁴⁶ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1929. С. 34–44.

⁴⁷ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 79–80.

⁴⁸ См. подробнее: Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995.

⁴⁹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974. С. 237.

⁵⁰ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Брожник В. Марксистская теория оценки. М., 1982; Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972; Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.

образования правовых явлений в феномене социального обмена и общения (взаимодействия). Рассматривая социально-психологические аспекты межличностного взаимодействия, автор делает в некоторой степени революционные для советской мировоззренческой парадигмы выводы о специфически-социальных истоках равенства, справедливости, об имманентном социальному общению правильном (правовом) паритете между взаимодействующими субъектами. Эту работу можно назвать авангардной (передовой) на пути открытия новых подходов в познании права, его первооснов и производных правовых явлений в отечественной правовой науке.⁵¹

Проблеме глубинных социальных истоков права уделено внимание в работах Н. И. Матузова, где ученый подчеркивает, что правовые явления, образующие так называемую субъективную сторону права, следует рассматривать в тесной взаимосвязи с такими социально-психологическими категориями, как интерес, потребность, воля, цель, мотив и т. п., непосредственно лежащими в основе правового регулирования. С учетом специфически-социальных оснований правовых явлений ученый проводит и последующие исследования.⁵²

Через социально-психологический срез рассматривает Н. Н. Вопленко образование нормативно-ценностного элемента содержания справедливости, отличая присущую человеческим взаимоотношениям имманентность масштабов возможного и должного, через которые характеризуется справедливость.⁵³

Авторы курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» обоснованно утверждали, что «понятия справедливого и несправедливого вырабатываются у человека не только под влиянием особенностей его индивидуального сознания... но и в результате взаимодействия с другими людьми, влияния и взаимовлияния настроений, чувств и мыслей людей в различных социальных группах — больших и малых».⁵⁴

Проблеме генезиса первичных социальных (в частности, правовых) форм, в том числе учитывая исходный уровень взаимодействия индивидов, посвятил свои научные исследования Л. И. Спиридонов. Осуществляя поиск общих всеисторических закономерностей происхождения права, ученый приходит к принципиальному выводу о том, что не столько воля господствующего класса, сколько реальные отношения людей в процессе производства, не зависящие, как известно, от какой бы то ни было воли, — вот что обуславливает характер и развитие права.⁵⁵

Силу права в зависимости от нравственно-психологической атмосферы в социальной системе ставит С. С. Алексеев.⁵⁶ Происхождение общественных институтов (права), по его мнению, зависит от многих факторов,

---

⁵¹ Мальцев Г. В. 1) Социальная справедливость и право. М., 1977; 2) Социальные основания права. М., 2007.

⁵² Матузов Н. И. 1) Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 3–4; 2) Правовая система и личность. Саратов, 1987; 3) Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.

⁵³ Вопленко Н. Н. 1) Социальная справедливость и формы ее выражения в праве // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 42; 2) Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.

⁵⁴ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1973. С. 155–156.

⁵⁵ Спиридонов Л. И. 1) Социальное развитие и право. Л., 1973; 2) Социализация индивида как функция общества // Человек и общество. Вып. IX. Л., 1971. С. 3–44; Орехов В. В., Спиридонов Л. И. Социология и правоведение // Там же. Вып. V. Л., 1969. С. 60–69.

⁵⁶ Алексеев С. С. Право и наша жизнь. М., 1978. С. 65.

«базисным» из которых является разумная деятельность людей, позволяющая объективировать формы этой деятельности, несущие позитивный потенциал разума, представляющие его бытие в области практических отношений между людьми.⁵⁷

Немало места отведено проблеме правовой стороны социального взаимодействия в работах В. Н. Кудрявцева. Автор анализирует влияние права на социальное взаимодействие в целом и на его элемент в качестве межличностных отношений, в частности. С одной стороны, он отмечает, что норма права первична по отношению к межличностным отношениям, что именно она моделирует поведение субъектов, причем она же их и определяет, фиксирует те или иные социальные роли. Но с другой стороны, автор подчеркивает, что «межличностное общение, конечно, гораздо богаче юридических конструкций — в данном случае прав и обязанностей, возлагаемых на носителей социальных ролей». В. Н. Кудрявцев обращает внимание на правообразующий характер социального взаимодействия. По мнению автора, в процессе этих отношений могут складываться типичные формы и способы поведения, которые право вполне способно закреплять.⁵⁸

Проблемам социальных, социально-психологических основ права посвящали свои исследования А. Р. Ратинов, В. В. Степанян, Н. Н. Тарасов, Ю. И. Новик, А. А. Соколова и др.⁵⁹

Такие функциональные составляющие системы межличностного взаимодействия, как «соизмеримость действий друг друга», «порядок обмена социальными ценностями», характеризуются в работах А. И. Экимова. Рассматривая проблему получающей воплощение в праве воли, он делает важное указание на истинную природу «всеобщего», отмечая ее социально-интерактивный характер: «Свое выражение она (общая воля. — В. Т.) находит в отношениях между... отдельными лицами».⁶⁰

В работе Е. А. Лукашевой «Право, мораль, личность» (М., 1986) проведено аналитическое исследование объективного нормообразования. Исследование генезиса социального явления, считает она, должно сочетаться с необходимостью раскрытия человеческих связей, без чего изучение превратится в абстрактную схему.⁶¹

Существенное место рассматриваемой проблематике отводилось в рамках теории правовых отношений. Так, Р. О. Халфина исследовала правовое отношение как форму практического взаимодействия. Она отмечала, что абстрактная модель правоотношения, предусмотренная нормой объективного права, может совпадать с реальным взаимодействием, но может и не совпадать, так как норма права, закрепляя модель правового

⁵⁷ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 574–575.

⁵⁸ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 46–48, 51; Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. С. 111; и др.

⁵⁹ См., напр.: Ратинов А. Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983; Степанян В. В. Правообразование в социалистическом обществе (теоретические и методологические проблемы). Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 1988; Тарасов Н. Н. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании. Автореф. дис. ... к. ю. н. Свердловск, 1979; Новик Ю. И. Психологические аспекты правового регулирования (теоретическое исследование). Автореф. дис. ... д. ю. н. Минск, 1990; Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. Минск, 2003.

⁶⁰ Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 59.

⁶¹ Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М., 1986. С. 8.

отношения, воплощает лишь основные, типические его черты. Реальное отношение намного богаче модели.⁶²

Ю. И. Гревцов, изучая проблему правоотношения, акцентирует свое внимание на двусторонних, имеющих взаимный характер отношениях индивидов, дает определение правоотношению как специфической форме взаимодействия его субъектов, что предполагает зависимость использования своего права от действий обязанного лица.⁶³

«Не будет лишним в этом плане, — пишет Ю. И. Гревцов, — обратить внимание на то, что качество социально-практического отношения всегда складывается в определенной зависимости от “внутреннего механизма” отношения, определяющего в значительной мере общий результат взаимодействия (поведения) в отношениях людей».⁶⁴

Рассматривая теоретические проблемы социологии права, А. М. Яковлев выражал мысль о том, что одним из важных аспектов социально-правовых исследований является выявление механизма социального поведения, правильное представление о котором, с его точки зрения, невозможно без рассмотрения отношений, связывающих индивида с окружающей его социальной средой. В этих отношениях индивид является не только субъектом, воспринимающим влияние и в соответствии с ним преобразующим свои действия, но и активным действующим участником, проявляющим себя как причина изменений в социальной среде.⁶⁵

Из феномена социального взаимодействия выводит происхождение, в частности, административно-правовых норм В. А. Юсупов. С его точки зрения, в процессе различных социально-экономических отношений «происходит многоаспектное взаимодействие людей и различных социальных формирований. Его движущей силой являются потребности и связанные с ними интересы, влияющие на образование административно-правовых форм».⁶⁶

Раскрывая природу и социальное назначение правовых стимулов и ограничений, на принципиально важные обстоятельства, объясняющие в том числе действенность правовых средств, указывает А. В. Малько: «Становится все более очевидным, что сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям, как стимулировать их самоорганизацию. Иными словами, проблема управляемого развития включает в себя по сути дела и проблему самоуправляемого развития».⁶⁷ Таким образом, акцентируется внимание на конструктивном механизме, присущем социальным системам (интерактивным системам).

Ученый, как представляется, использует именно социально-интерактивный подход при объяснении ограничивающей функции правовой обязанности, которая объективно осуществляется как ответ на действия-приязания управомоченного лица. Однако социально-интерактивная система

⁶² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 35, 95.

⁶³ Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 51–52.

⁶⁴ Там же. С. 68. — См. также: Гревцов Ю. И. 1) Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987; 2) Социология права. СПб., 2001.

⁶⁵ Яковлев А. М. 1) Теоретические проблемы социологии права // Проблемы социологии права. Вып. 1. Вильнюс, 1970. С. 26–29; 2) Право и социология. Кризис законности в США. М., 1975 (в работах автор вводит в оборот понятие «социальные ожидания» — один из ключевых терминов в концепции Т. Парсонса. — В. Т.).

⁶⁶ Юсупов В. А. Теория административного права. М., 1985. С. 4.

⁶⁷ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 161.

построена таким образом, при котором происходит учет не только действий-притязаний, но и возможности к выполнению обязанности контрагентом. А. В. Малько делает закономерный вывод об аспектах балансирования в социально-правовой системе, которые сопровождаются динамикой стимулирующих и ограничивающих средств на разных уровнях юридических связей: «Стимулирование одного из субъектов правового общения предполагает соответствующее ограничение другого участника правоотношения».⁶⁸

Представленный выше предыдущий авторский вывод во многом продолжает традицию, принятую российскими правоведами еще в начале XX столетия в понимании права. Так, П. А. Сорокин определял правовую норму следующим образом: *первая и основная черта правовой нормы поведения заключается в том, что она является нормой, наделяющей одно лицо (субъекта права) тем или иным полномочием (правомочием), а другое лицо (субъекта обязанности) — той или иной обязанностью*. Иными словами, правовая норма всегда устанавливает определенную связь между двумя правовыми центрами (субъектом права и субъектом обязанности) и указывает, что может требовать один и что должен сделать другой...⁶⁹ В приведенном высказывании, как справедливо отмечается в литературе, обнаруживается попытка П. А. Сорокина модернизации правовой концепции учителя Л. И. Петражицкого.⁷⁰

В философско-правовой плоскости проблему социально-интерактивных основ права актуализирует И. Д. Невважай. Он, в частности, отмечает, что видится перспективным исследование природы права как явления, основания которого коренятся в специфике человеческого бытия как бытия интересубъективного, имеющего собственную онтологическую структуру. Это позволило бы понять правовую норму как фундаментальный способ бытия человека среди других людей.⁷¹

В связи с этим следует признать заслуживающим поддержки тот оправданный интерес, который усиливается в нашей науке по отношению к американскому ученому Талкотту Парсонсу и его последователю — западногерманскому ученому Никласу Луману, которые имеют непосредственное отношение к социально-интерактивному подходу в правопознании. Появились переводные варианты их основных работ,⁷² в социологических журналах вышел целый ряд научных статей, анализирующих вклад этих личностей в мировую науку (в том числе правовую).⁷³

---

⁶⁸ Малько А. В. 1) Стимулы и ограничения как парные юридические категории // Правоведение. 1995. № 1. С. 9–10; 2) Стимулы и ограничения в праве // Там же. 1998. № 3. С. 134–148.

⁶⁹ Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 13–14.

⁷⁰ Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 21.

⁷¹ Невважай И. Д. 1) Философия права: проблема рациональности права // Там же. 1995. № 3. С. 73; 2) Перспективы философии права // Вестник СГАП. Саратов, 1995. № 3. С. 114–129.

⁷² См., напр.: Парсонс Т. 1) Система современных обществ. М., 1998; 2) О социальных системах; 3) О структуре социального действия; 4) Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2. М., 2002. С. 3–43; Луман Н. Общество как социальная система.

⁷³ См., напр.: Александр Дж., Колони П. Неофункционализм сегодня: восстаивая теоретическую традицию // Социс. 1992. № 10. С. 112–119; Феофанов К. А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии. С. 48–59.

Сегодня интерес к этим ученым усиливается у отечественных правоведов.⁷⁴

В современной правовой науке все активнее формируется и развивается интерес к проблемам социально-правовой коммуникации. На страницах научных журналов, в изданных монографиях апробируются новейшие теоретико-правовые исследования в этой сфере познания.⁷⁵

Ведущим сторонником и последовательным адептом рассматриваемого подхода в современной общей теории права, без сомнения, выступает А. В. Поляков, который в своих работах продолжает традицию петербургской школы философии и социологии права, развивая учения о предельно-социальных истоках и бытии права таких ее представителей, как Л. И. Петражицкий, Г. Д. Гурвич, Н. Тимашев и др., интегрируя соответствующие воззрения с достижениями западной правовой и социологической доктрины (П. Бергер, Т. Лукман, А. Щюц и др.). Взгляды ученого в полной мере отражены в изданиях монографического характера и научных статьях,⁷⁶ квинтэссенцией которых можно считать мысль о том, что «право формируется как специфический социальный язык и как универсальная форма социального взаимодействия (коммуникации)».⁷⁷

В современной западной юриспруденции отражение данных идей присутствует в работах германского правоведа В. Кравица, отдельные труды которого переведены на русский язык и представлены на страницах российских научных изданий.⁷⁸

Рассматривая феномен правовой коммуникации в контексте нарративной юриспруденции (согласно которой смысл права передается через повествование, рассказ о нем, что возможно только в процессе социального общения и на основе взаимного понимания), автор отмечает: «В различных фазах и на разных *этапах кооперации по созданию организованного права* — законодательного, исполнительного и судебного процесса — граждане и другие участники правоотношений вовлечены в сложный

---

⁷⁴ *Посконин В. В.* 1) Правопонимание Толкотта Парсонса. Ижевск, 1995; 2) Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса: Теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. ... д. ю. н. СПб., 1996; *Посконина О. В.* Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997; *Посконин В. В., Посконина О. В.* Т. Парсонс и Н. Луман: два подхода в правопонимании. Ижевск, 1998.

⁷⁵ *Бачинин В. А.* Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 27–39; *Ван Хоек М.* 1) Право как коммуникация // Там же. 2006. № 2. С. 44–53; 2) Право как коммуникация // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. С. 376–432; 3) Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова, А. В. Полякова. СПб., 2012; *Правовое общение: постановка проблемы* / отв. ред. Л. С. Мамут. М., 2012; *Честнов И. Л.* 1) Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000; 2) Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45–52; и др.

⁷⁶ *Поляков А. В.* 1) Правогенез // Правоведение. 2001. № 5. С. 216–234; 2) Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003; 3) Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43; 4) Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Там же. 2007. № 4. С. 7–12; 5) Нормативность правовой коммуникации // Там же. 2011. № 5. С. 27–45; 6) Современная теория права. Ответ критикам // Там же. № 6. С. 6–39; и др.

⁷⁷ *Поляков А. В.* Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 148.

⁷⁸ *Кравиц В.* 1) Пересмотр понятия права: директивы и нормы с точки зрения нового правового реализма // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. С. 433–445; 2) Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Правоведение. 2012. № 1. С. 18–32.

*процесс правовой коммуникации, которая со своей стороны зависит от их действий и понимания. Здесь нормативные, оценочные и изменчивые элементы правовой коммуникации сливаются в оформленное единство правового порядка».*⁷⁹

В целом, по итогам проведенного анализа юридической литературы, посвященной проблеме социально-интерактивной «данности» права, а также общей научной тенденции, связанной с выявлением и обоснованием коммуникативных истоков права, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, данная традиция стала формироваться в русле социологической школы права и наращивала свой эвристический потенциал и понятийно-категориальный аппарат одновременно с развитием социологического похода к праву, претерпевая все те же сложности, что социологическая школа как таковая. Во-вторых, особое влияние на становление рассматриваемого подхода оказала петербургская школа права в лице ее видных представителей (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич и др.), заложивших основы социологического понимания права не только для отечественного, но и для зарубежного правоведения. И, в-третьих, все-таки изучение права с позиций социально-интерактивного подхода (несмотря на усиление внимания правоведов) не находится еще на том уровне, когда количество и качество аргументов образуют устойчивую систему знаний, в силу своей убедительности способную оказывать доктринальное влияние на сопряженные с ней области теории и практики. Исследовательский потенциал социально-интерактивного (коммуникативного) подхода требует дальнейшей реализации в отечественной правовой науке⁸⁰ в направлении последовательного развития искомых концептуальных начал.

---

⁷⁹ *Кравиц В.* Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права С. 32.

⁸⁰ Как отмечает ответственный редактор Л. С. Мамут в так называемом «предупреждении» к коллективной работе «Правовое общение: постановка проблемы» (М., 2012), «проблематика правового общения в специальной литературе еще не проанализирована с достаточной глубиной и убедительностью». Возможно, это верно, однако с учетом опыта проведенного выше науковедческого анализа такой категоричности все же не выявляется, хотя рациональное зерно в подобном суждении тем не менее присутствует и данному научному направлению еще предстоит проявить свой познавательный ресурс.